

Константин Шакарян – серьёзное приобретение современной русской поэзии. Он молод, но его поэтический жест абсолютно проявлен. Звук точен. Слово выверено. Традиционная поэтика наполнена остросовременным поэтическим мышлением. Он знает, что хочет сказать, несмотря на парадоксальность движения мысли. Экспрессия его стиха завораживает. Он интересный собеседник читателю разного уровня – каждый услышит своё. В скобках добавлю:

* * *

Двадцать лет,
словно двадцать минут.
Не успеешь опомниться – минут.
Всюду жизни волнение и гуд.
Первый мостик над ней перекинут.

Ты ступаешь легко по нему,
Шаг за шагом взыскуя ответа:
Где? Откуда? Куда? Почему?
Почему-то, откуда-то, где-то...

Часа целого первая треть.
За немалый такой промежуток
Что-то в мире познать и прозреть.
Не до шалостей тут, не до шуток.

Ты напрасно смеёшься в ответ –
Мол, судьба ещё в самом начале! –
Первой ночью сменяется свет.
Вот и ветры мосток раскачали...

Что ни шаг – прибывает в цене
Время первой отваги и смуты...

С каждым шагом дорожке вдвойне
Все последующие минуты.

СТАНСЫ

У столетия на примете,
Что шепчу я – поди, пойми:
Дай пожить мне ещё на свете
Меж деревьями и людьми.
Коротка ли, длинна дорога,

Скоро ль свистнет у сердца плеть...
Дай пожить мне ещё немного –
Дай премного ещё успеть...

* * *

У столетия на примете
Прохожу по канату дня,
Прозреваю своё столетье,
Глухо терпящее меня.
Настоящего злую реку,
Содрогаясь, перехожу.
Ни себе, ни другим, ни веку
Оправданий не нахожу...

* * *

Из сегодня во время оно
Заплываю – учить язык.
Башни, с самого Вавилона,
Расположены здесь впритык.
Не умею промолвить слова,
Душу выговорить свою...
У барьера языкового
Перед родичами стою.

* * *

Время позднее. Свет погашен.
Неприкаянный кружит вздох
Посреди бесконечных башен
Вавилонов иных эпох.
Дух снедаем тревоги магмой,
Веры прежней своей лишён.
Понимаю: язык мой – враг мой.
Но и друг мой – один лишь он.

* * *

Возвращаюсь. Бреду, уставший,
Подставляя лицо ветрам;
Сам себе обещанье давший
Вместо башни построить храм.

Перед веком своим в ответе
Вновь шепчу я – Творцу, судьбе:
Дай пожить мне ещё на свете,
Дай достроить его в себе!..

* * *

У столетия на примете,
На пороге ли, на тропе...

* * *

Тянется плач – откликается звонко
Ниточкой тонкой повитая даль...
То ли котёнка, а то ли ребёнка
Явлена миру смешная печаль.

То ли смешная, а то ли – большая.
Не разбирающий бед и удач,
Сна и покоя домашних лишая,
Тоненькой ниточкой тянется плач.

Близко взросление. Слёзы подсохли.
Вот и последние – больше ни-ни! –
Детской ручонкой размазаны сопли
Перед походом во взрослые дни.

Будут ещё и дожди, и метели,
Будут поставлены сроки и цели
(Цели достичь обязуемся в срок!);
Злые песчинки в глаза налетели,
Пыль заklubил молодой ветерок...

Будет проглатываться еле-еле
К горлу подкатывающий комок.

Лезть на рожон доведётся, на стену.
Слёзы накопятся – горечь излить...
Ниточке прежней приходит на смену
Плача иного суровая нить.

Слёз богоданных защитная сила!
Лишь бы надолго той нити хватило
Переплестать одиночества тишь...

На раскалённое жизни светило
Глянешь глазами сухими – сгоришь.

* * *

В.

Расстояние меж нами велико.
Бьётся сердце и рыдает до икоты.
Ты уехала. Ты снова далеко.
Далеко ты,
далеко ты,
далеко ты...

Это небо высоко и широко.
Не найти душе ни воли, ни покоя.
Ты уехала. Я снова далеко.
Далеко я,
далеко я,
далеко я...

Это небо не излечит от тоски,
Зреют в нём ещё не грянувшие зимы...
Так случилось – во вселенной мы близки.
Отчего же в этом мире далеки мы?

ДИАЛОГ

– Что с тобой, девочка, было,
Поздно ли встретились мы?
– Я темноту полюбила,
Вырвалась еле из тьмы.

– Что тебе, девочка, снилось,
Прежде чем вырвалась ты?
– Снилось, что я схоронилась
Светом среди темноты.

– Что в себе, девочка, знала,
Верно ли чуяла свет?
– Было кругом его мало,
Думала: есть или нет?

– Что тебе, девочка, надо
Было от жизни земной?
– Были крестом и отрадой
Крылья мои за спиной.

– Где тебе, девочка, в мире
Было свободней лететь?
– Света казалось мне шире
Тьмы застеклённая клеть.

– Что с тобой, девочка, стало,
Чей услыхала совет?
– Тьмы показалось мне мало,
Сердце рванулось на свет!

– Как тебе, девочка, в небе,
Лучше ли, чем на земле?
– Радостный выпал мне жребий:
Небо с землёю – во мне.

– Что тебе, девочка, надо
Нынче от жизни земной?
– Вся она – крыльям отрада –
Вновь оживает со мной...

* * *

Невозможно сегодня
потерять человека!
Социальные сети, телефоны, контакты –
Чудо-приспособленья двадцать первого века.
Завибрирует гаджет:
«Ну что ты? Ну как ты?»

Потерять человека – скажите на милость! –
Мировые бессильны широты, долготы,
Как бы ни разбросало вас,
что б ни случилось,
Кликнет уведомленьё:
«Ну как ты? Ну что ты?..»

...Если только потерян
человек в самом деле,
Не отыщется опций – вернуть человека.
И тогда не до игр, и глаза б не глядели
На премудрости эти электронного века...

* * *

Дневников не вёл и не веду.
Жизнь моя у неба на виду
На земле вершится год от года.
К исповеди в виде дневника
Не тянулась юная рука;
Выпускать боялся двойника,
Ведая: в забвении – свобода.

Он во мне, затерянный двойник,
Он живёт со мною среди книг,
С музой не чурается соседства.
Вот она возникнет, вся в свету,
Пару слов обронит на лету...
А двойник останется по ту
Сторону сознания и сердца.

Он со мною ходит там и сям,
По делам, дорогам и друзьям.
Я же соглашаюсь – с перетруху –
Всюду попевать,
И впопыхах
Душу выговаривать в стихах,
На дневник уже – увы и ах –
Не хватает времени и духу.

Что мне записать? –
«Ещё живу,
Вглядываюсь в неба синеву,
К вечеру чернеющую мерно.
Был сегодня там-то, говорил
С теми-то, и временем сорил,
Между тем о том-то позабыл,
(А о чём – уже не вспомнить, верно),

Дальше – больше: двигался вперёд
(А куда – сам чёрт не разберёт),
И обратно, не сбавляя темпа...»
Вот уже я дома, и рука
Тянется к страницам дневника
Сохранить, не выстыли пока,
Эти «том-то», «там-то» или «тем-то»...
Вот уж улыбается двойник,
Вот уже на воле он привык
Каждый шаг свой видеть на бумаге...

Не чернил, не времени мне жаль.
Через годы он себя, сквозь даль,
Вдруг увидит, всмотрится – в себя ль?! –
И не позавидуешь бедняге...

ВСЕМИРНЫЙ КАРАНТИН

Я сижу под домашним арестом.
Чередуются дни, как во сне.
Вот и стали излюбленным местом
Дворик с улочкой в нашем окне.

Карантином приписанный к дому
С человечеством всем заодно,
Начинаешь глядеть по-иному –
На себя самого и в окно.

В эти дни мирового «weekend»-а,
Заклучившего всех под замок,
За провинность наказаны кем-то,
Отбываем положенный срок.

Уповаем на скорое чудо...
А в окне – в недоступной судьбе –
Наше время, в котором покуда
Нету места ни мне, ни тебе.

ВЛАДИМИРУ ПОЛЕТАЕВУ

*Я просто все скажу, как на духу,
О, если б горла у меня хватило...*

«Небо возвращается к земле...»

Ты – самый юный средь возраста не имущих:
Из бывших, нынешних и грядущих,
Ты – горлышко, захлебнувшееся мотивом,
Взорвавшееся откровением торопливым.
Сосуд, своего не вынесший содержимого –
Рванувший из времени с яростью одержимого,
Пространство земное отринувший...
Ну, куда ж ты?..
Поющее горлышко, стонущее от жажды...

Ты – брат мой, далёкий друг мой из века оно,
Небесный росток, проросший в земное лоно.
Ты – слово живое, трепетное светило...

...О, если б хватило, если б его хватило...

* * *

Дорога стелется в ночи,
Подобьем мёрзлого тоннеля.
А ты, как прежде, на печи –
Иван-дурак или Емеля.

Протри глаза да поскачи,
Стань на дорогу поскорее!..
Лежишь, свернувшись на печи,
Как кот на теплой батарее.

А над дорогой стаи туч –
Грозы шальное зарожденье...
Но наступило пробужденье,
Едва лица коснулся луч.

Не будь свидания с лучом,
Дремать бы век тебе среди гуда,
О найжденьи в сердце чуда
Не догадаться нипочём...

* * *

Исповедуюсь юному веку
И, тоскуя незнамо о ком,
Стерегу свою душу, как реку,
Что прихвачена первым ледком.
Избегая с неведомым встречи,
Уношу её, зябкую, прочь,
От насущного мира далече –
В непечатую зимнюю ночь...

Превращается в тыкву карета,
Сигарета – в потухший бычок.
Меркнет всё.
Лишь, подобранный где-то,
Остаётся любви башмачок.

То шутя, то всерьёз,
понемножку,
Обретеный страшась и потерь,
Я искал к нему нужную ножку,
И нашёл её – только теперь.

Ножка найдена – вновь примеряю
Заповедный хрусталь на твою...

В башмачке ты ходила по краю,
Как по ниточке – по острою,
Обивала чужие пороги...
...Грязь месивший, по шпильку в пыли,
Он, печальный, лежал на дороге,
Чуть поблескивая издали...
Вновь сияет – красивый, хрустальный,
С бездорожьями жизни знаком...

А дальнейшее сковано тайной –
Нерасколотым свежим ледком.

Михаил Юдовский. «Закат над рекой».
Холст, масло, 50х60 см.